

мск. новости

ОВОСТИ» № 8, 22 февраля 1987 г.

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

ИСКУС

«ЗАПРЕТНОГО» ПЛОДА

К выходу произведений
Владимира Набокова

В Москве огромным журнальным тиражом издан Владимир Набоков: подборка стихотворений в «Октябре», роман «Защита Лужина» в «Москве». Ожидается «Николай Гоголь». Легенда о Набокове сменяется знанием его творчества.

Уверен, критика найдет свои краски для характеристики этого блудного сына русской литературы. Но, как всякое мощное явление культуры, он шире, глубже, безусловно, верных критических оценок — хрустальная (чистая, блестящая, холодноватая) русская речь, литературная маска, гротеск, неумело подавляемая ностальгия и пр., и пр.

Теперь самый главный вопрос: как встретит Набокова современный советский читатель — прежде всего молодой, отделенный и отдаленный от него огромным пластом времени («Лужин» написан более 50 лет назад), государственными границами и политическими убеждениями. Автор давно ушел в мир иной и ничего не прибавит к сказанному им, разве что мы по привычке будем читать между строк. Это — как встретят? — не простой вопрос и для тех, кто впервые войдет в мир Набокова, и для тех, кто читал его ранее. Видимо, последних не так уж мало, если публикуются суждения о прямом воздействии Набокова на творчество ряда наших писателей.

Возникает своеобразная коллизия в системе «читатель — книга», характерная для последнего двадцатилетия. Речь идет о случайных и неслучайных временных провалах в общении автора и читателя. При этом об авторах и задержавшихся книгах не только говорят, но и много пишут, часто они становятся классикой для критики при, увы, отсутствии широкого читателя.

Иногда это долгое ожидание встречи умножает ее энергетический потенциал: сорвавшаяся на читателя лавина создает эффект удесятенного праздника. Так

было с книгами М. Булгакова. Но бывает «запоздавшая» книга, когда-то с трудом добытая в рукописи, почти не задевает читательскую массу — аромат новизны неизбежно утерян, творческие находки стали достоянием более поздних и доступных авторов. На мой взгляд, такая судьба постигла «Дублинцев» и «Портрет художника в юности» Джойса; не исключено, что она не миновала бы «Улисса». Хочется верить, это не произойдет с прозой и стихами Набокова, но что-то заставляет предполагать, что мощной волной длительного читательского энтузиазма может и не быть.

Теперь у меня на полках геснятся тома Белого и Ахматовой, Цветаевой и Платонова, Булгакова и Кафки, и некогда слепой рукописный текст хемингуэевского романа «По ком звонит колокол» преобразился в увесистое подарочное издание (к сожалению, со скверными иллюстрациями). Но я все-таки без конца обращаюсь к самодельным книжкам, и выданные из журналов «Красная Новь» и «Звезда» еще в детские годы «Охранная грамота» Пастернака и «Египетская марка» Мандельштама ближе мне потому, что они часть моей жизни, жгучего интереса и признательности авторам, поиска и свободного выбора.

Да не поймут меня так, будто хочу, чтобы каждое читательское поколение проходило через свой искус «запретного» плода. Жизнь показала, что всякая запретность призрачна, а вот «плод» — настоящий. Желанный, лично необходимый, неизъяснимо заманчивый, превзошедший ожидания. Так хотелось бы, чтобы и теперь впервые приступающие к чтению новой волны публикаций известнейших писателей и поэтов (Набоков — не единственный, выходят Гумилев, Ходасевич, Замятин) познали бы полную и ясную радость общения с книгой, которая не разочаровывает.

Владимир ЛЕКСИН,
профессор, доктор
экономических наук.